

А. С. Лобанова (Пермь)

О некоторых лексических особенностях большекочинского говора кочевского диалекта коми-пермяцкого языка

Диалекты коми-пермяцкого языка, еще до недавнего времени считавшиеся недостаточно изученными, в последние годы становятся предметом специальных исследований. Однако, авторов в первую очередь интересуют фонетические и грамматические особенности того или иного диалекта. Специфичная, узкодиалектная лексика зачастую остаётся без внимания.

В предложенной работе мы попытаемся показать картину функционирования так называемых парных слов и отдельных устойчивых сочетаний в одном из говоров кочевского диалекта, в большекочинском. Напомним, что кочёвский диалект относится к северному наречию коми-пермяцкого языка, а в силу ряда причин лексика именно этих диалектов в меньшей степени представлена в коми-пермяцком литературном языке. Наверное, не стоит подробно говорить о том, что именно лексика является самой под-

вижной частью языка, первой реагирующей на различные общественные изменения, и, к сожалению, быстро подвергающейся различного рода влияниям со стороны соседних языков.

Почему именно большекочинский говор стал предметом нашего внимания? Дело в том, что его носителям удалось, во-первых, сохранить исконные варианты отдельных лексем, в других говорах и диалектах которые заменены либо заимствованными из русского языка, либо коми-пермяцкие слова употребляются в иной форме, во-вторых, в данном говоре такой способ словообразования, как парные слова, настолько уникален и своеобразен, что подобных вариантов нами пока в других диалектах коми-пермяцкого языка не зафиксировано.

Добавим, что большекочинский говор, занимая территорию одноимённого сельского совета, по отношению к другим говорам находится несколько изолированно. Возможно, данный факт также сыграл определённую роль в сохранении и функционировании в говоре специфической лексики.

Следует отметить, что для жителей с. Большая Коча, д. М. Коча, д. Марапальник и др. такие лексемы, как *кулём* 'сеть для рыбной ловли, охоты', *няп* 'шиповник', *кочадз* 'сныть обыкновенная', *бичули* 'деревянная вертушка', *бурундук* 'деревянный настил в сенях', *мыг* 'специальное женское нижнее бельё', *айка* 'супруг', *лыд* 'счёт', *вежати* 'крестник' и другие являются общеупотребительными и входят в их активный словарный запас, тогда как в других диалектах они уже давно перешли в разряд малоупотребительной лексики.

Парные слова в большекочинском говоре.

Коми-пермяцкий язык широко представлен парными словами (в других пермских языках данный способ словообразования отнесён к разряду сложных слов). Самое видное место занимают парные глаголы. Если парные имена существительные, прилагательные, числительные, наречия в функционировании и в лексическом значении почти не имеют диалектных особенностей, то парные глаголы заслуживают особого внимания. В семантическом отношении они делятся на:

а) парные глаголы, компоненты которых являются синонимами: *вашкыны-баитны* 'говорить шепеляво (досл. шепелявить-говорить);

б) парные глаголы, компоненты которых являются антонимами: *пырны-петны* в значении 'ходить взад-вперёд' (досл.) [Коми-пермяцкий язык 1962: 166].

В качестве одного из компонентов выступает обычный глагол, другой – развивает его лексическое значение. В качестве последнего часто выступает изобразительный глагол. Потенциально от каждого изобразительного слова может образоваться глагол, который способен выступать с соответствующим неизобразительным глаголом [Коми-пермяцкий язык 1962: 166].

Проанализировав имеющийся языковой материал по названному говору, мы выделяем следующие группы парных глаголов:

а) парные глаголы, обозначающие особенности приёма пищи: *мазйыны-сёйны* 'много и быстро есть' (*сёйны* 'есть, кушать'), *лопкыны-сёйны* 'неаккуратно, некрасиво есть', *тёпкыны-сёйны* 'чавкать, есть с шумом', *дзузгыны-юны* 'много выпить' (*юны* 'пить'), *кальскыны-юны* (вариант *калскыны-юны*) 'пить большими глотками', *чурскыны-юны* 'пить медленно и долго' и др.;

б) парные глаголы, обозначающие особенности передвижения, походку: *голлъыны-ысласъны* 'долго кататься на велосипеде (досл. 'гремять-кататься')', *гõньдыны-ысласъны* 'кататься верхом на лошади', *суййыны-мунны* 'идти очень быстро (*мунны* 'идти')', *чашетны-мунны* 'идти с высоко поднятой головой', *шлюндыны-мунны* 'идти еле передвигая ноги', *чуйнитны-мунны* 'быстро отойти' и др.

В примерах с компонентами *сёйны*, *юны*, *мунны* первая часть представлена диалектным изобразительным глаголом (не имеющим соответствия в южных диалектах коми-пермяцкого языка).

В речи большекочинцев довольно часто встречаются парные глаголы, обозначающие особенности нанесения ударов, драки: *дзобõtчыны-косясьны* 'сильно подраться, пуская в ход руки и ноги' (*косясьны* диал. 'драться'), *бучõtчыны-косясьны* 'драться ударяя кулаками', *тичõtчыны-косясьны* 'понадавать щелчков', *крõtтыны-косясьны* 'бить чем-либо тяжёлым', *бусйыны-косясьны* 'долго драться'. Парный глагол *кундисьны-косясьны* характеризует драку, в которой участвует несколько человек, а следующий пример *тойсьыны-косясьны* обозначает драку, участники которой были вооружены палками, жердями и т. п. Таким образом, парные глаголы данной подгруппы довольно эмоциональны и стилистически окрашены. Для носителей вэовых диалектов данные варианты совершенно не свойственны.

Особенности речи человека также представлены диалектными парными глаголами: *паткыны-баитны* 'говорить с забитым носом' (*баитны* 'говорить'), *боньгыны-баитны* 'говорить невня-

но', *мотоситны-баитны* 'бормотать что-либо', *ченьгыны-баитны* 'надоедливо ныть', *жовгыны-баитны* 'бурчать'.

Следующие варианты также зафиксированы в большекочинском говоре кочёвского диалекта: *игзыны-бöббалны* 'шалить' (*бöббалны* 'играть'), *ляпсыны-пымалны* 'сильно вспотеть', *зйтшикисыны-усыны* 'сильно удариться, упасть', *чашикалыны-висыны* 'сильно разболеться', *киргыны-узыны* 'хрипеть', *треснитны-узыны* 'долго спать' и т. д.

Представленные выше парные глаголы активно используются в повседневной речи носителей названного говора, они обозначают различные реалии и ситуации. Для уточнения особенностей конкретного действия в большей части используется звукоизобразительный или образоизобразительный глагол. Приведённые выше выражения могут значительно пополнить лексический запас коми-пермяцкого литературного языка, есть возможность избегать повторов, значительно расширяются синонимические ряды.

Наряду с диалектными парными словами в большекочинском говоре кочёвского диалекта нами зафиксировано довольно большое количество устойчивых сочетаний, функционирование которых либо узколокально, либо в других говорах и диалектах они употребляются в несколько ином значении. Рассмотрим некоторые из них. Так фразеологизм *вöйсö оз вайлы* 'он не приходит, не навещает, избегает' содержит в своём составе лексему *вöй* в винительном падеже лично-притяжательного склонения, которая в коми-пермяцком языке сегодня потеряла своё, видимо, былое самостоятельное лексическое значение: ср. *вöйсавны* 'подсматривать'; *вöйсасыны* 'стараться быть незамеченным'. Устойчивое сочетание *чультыс потö* (досл. 'зоб лопаётся') в данном говоре употребляется в значении 'нетерпеливый, неусидчивый', в южных диалектах так говорят об очень любопытном человеке. Для всех северных диалектов характерно выражение *пырны картавлö* (вариант *пырны картаö*) 'жить в доме жены' (досл. 'заходить в хлев'), которое в взовых диалектах употребляется только в прямом значении. В речи большекочинцев часто употребительны ФЕ, в составе которых есть заимствования, напр. *больсö корны* 'рисковать' (досл. 'боль просить'), *кымöм горошница* 'медлительный, меланхоличный человек' (досл. 'застывшая горошница'), *чеснöг көича* 'глупый, непонятливый человек' и др.

Возвращаясь к парным глаголам, напомним, что большая их часть даёт оценку различным действиям человека, то же самое можно сказать и об устойчивых словосочетаниях данного говора.

Оценка человека (его особенностей, действий, поступков) средствами народной фразеологии.

Свойства характера и социально-общественное положение, особенности состояния и внешнего облика, темперамент и интеллектуальные возможности, пристрастия и поведение – всё, что выделяет человека среди других, что заключает его внутреннюю сущность, получает в народной речи меткую образную характеристику, особое распространение приобретают здесь “коллективные” оценки. Разнообразии социальных типов и многогранность человека со всей полнотой выражаются во фразеологии. Она подмечает, фиксирует в поведении человека буквально всё: положительные и отрицательные стороны характера, отношение к окружающим его людям, к труду и т. д.

Так, на диалектном материале большекочинского говора отчётливо выделяется группа фразеологизмов, которые несут пренебрежительный, а иногда и резко отрицательный характер в оценке поведения человека, напр. фразеологизмом *арттём пестер* назовут бестолкового, недогадливого человека (досл. ‘бестолковый пестерь’). В южных диалектах соответственно выступает *арттём пасма* (досл. ‘бестолковое пасмо (ткац.)’). Синонимичными этому будут такие сочетания, как *лук мешок*, *калег юр* (досл. ‘калига голова’).

Неодобрительную оценку получит тот, кто не может держать язык за зубами, не умеет хранить тайны: *быздём дубас* (букв. ‘осыпавшиеся края дубаса’), а про того, кто уже проболтался, скажут: *юр вердём* (букв. ‘накормил чью-то голову’), т. е. выдал что-то тайное, не сдержался.

Такие качества, как лихачество, жадность, невоздержание также осуждаются местными жителями: бесшабашного, лихого человека (чаще мужского пола) назовут *пиньтём шавар* или скажут про такого: *больсё корё* (букв. ‘звать боль, хворь’), т. е. играет с огнём, рискует.

Жадность и невоздержание характеризуются следующим фразеологизмом: *ягёд куралны* (букв. ‘ягоды загребать’), т. е. собирать в большом количестве, не зная меры.

Физические недостатки человека тоже находят своё отражение во фразеологии данного говора: *пиньтём шег* ‘беззубый человек’, *глухой пешня* ‘глухой’ и т. д.

Состав коми-пермяцкого литературного языка, базирующийся на кудымкарско-иньвенском диалекте, подвергается сильней-

шему влиянию со стороны русского языка, в то время как в отдельных диалектах удивительным образом сохранён значительный пласт исконной лексики, в них наблюдаются интереснейшие словообразовательные процессы, позволяющие предельно точно передать действия, состояния, особенности человека и природы.

Далее приведём диалектный текст большекочинского говора кочёвского диалекта коми-пермяцкого языка:

1. "от / кэрку мэ бо'сти этийö // 2. сэтöнка мий'анлö по'нисö чуд'и'ччыны / кэркуыс // 3. по'нисö кылны шуммэ' // 4. кыз ро'д'э с'т'эна'ас ва'чкötöны ва'г'анкиöн / кыз ро'д'э табу-рэт'ка кы'скыштöны // 5. то'ко ло'дамö уз'ны / ко'йказ' по'нöны йö'ктыны // 6. колö этö бол'эз' кы'дзкö л'эчи'тнытö // 7. мэ му-ни ма'с'т'эрдын / ко'да стрöитис // 8. с'а'кöй тө'дис'с'эз ды'нö вз'тлöти // 9. ма'с'т'эр вис'талис си'^иö / што значит коз'а'йкаыс постро'ил кэркусö бэз мужика / о'лис йэ'тши / и си'йöнка мы'йкö имэ'йэт тэ'ылö // 10. гөд йэ'тши эшö кы'лис шумыс джоджылын // 11. вот / эм пö сэт'шиöм ма'с'т'эр / этадзи пö чун'сö вундыштас / и со'рок разо'^а пö мол'итвасö лыд'д'ö'тö бö'рөн // 12. и си'^иөн вир'нас ма'втас акан'оксö / и'с'с'а кэрку по'ннö пол-з'ö'ччыны // 13. примэ'рнö ма'с'т'эр стрöитö и мы'йкö сылö н'э угод'ил // 14. са гор'ыс ды'нö / у'^итас / пуктас сэт'шиöмсö ака-н'оксö / вот и с'о // 15. ни'а вот сидз вис'таллыг'лисö мэ'ым // 16. сэк туйэ'ыс умöл'öс' вö'лисö / ра'с'с'исö // 17. мукöдпырс'а гө'д-нас ö'ччид л'и кы'кис' кыллам // 18. мэ н'эм н'и ок төд // 19. мы'и си'а ми'ан вы'лти изд'эва'йэ'цца // 20. и'н'каö шога'сö пыр / гор-лын с'о куйлö // 21. коз'а'йкаыслис' мы'жы'ксö ко'ркö нуö'тлисö враг наро'даэас жö / а пото'м д'э'н'га сылö мы'йкö вз'штыг'лисö // 22. вот си'а эта д'э'н'гаокылö этö кэркусö и постро'ил // 23. куд'эл'каын ныл олö / тө'^инас вö'ли да эз на // 24. кы'шöм мэ'ым инт'эрэ'с / а'слам д'э'н'га вы'лö рэ'монт кэ'ра / а си'а солко'зö кол'ччас // 25. а ол'нытö э'стөн ог вэ'рмы // 26. мэ вэ'нкаöн о'рса / а мö'дик зон эм / си'а оз орс // 27. го'жымнас ко'иныс д'эрэ'вн'алас оз лок //

Записано в 1991 году по рассказу С. В. Батуева, 64 лет, с. Большая Коча Кочёвского района (магнитофонная запись).

1. Вот, дом я купил этот. 2. Тут-то нам стали чудиться – дом-то. 3. Стали слышны шумы. 4. Как будто в стену ударяют вален-

ком, как будто табуретку подвинут. 5. Только ляжем спать, койки начинают плясать. 6. Надо эту болезнь как-то лечить. 7. Я пошёл к мастеру, который строил. 8. Ко всяким знахарям ходил. 9. Мастер сказал то, что, значит, хозяйка-то построила дом без мужика, жила мало, и поэтому что-то имеет на тебя. 10. Около года ещё шум-то был слышен в подполье. 11. Вот, есть, говорят, такой мастер, вот так, говорят, свой палец порежет и сорок раз, говорят, читает молитву-то задом наперёд. 12. И этой кровью-то смажет куколку, затем дом начинает пугаться. 13. Примерно, мастер строит, и что-то ему не угодил. 14. Он к печке, снизу, положит такую куколку-то, вот и всё. 15. Они вот так рассказывали мне. 16. Тогда дороги-то были плохие, их развезло. 17. Иногда в год один или два раза слышим. 18. Я уже ничего не знаю. 19. Что это над нами издевается. 20. Жена моя болеет постоянно, на печке всё лежит. 21. Мужика-то у хозяйки когда-то уводили как врага народа же, а потом деньги ей что-то платили. 22. Вот она на эти деньги этот дом и построила. 23. В Куделькове дочь живёт, зимой была, да до сих пор... 24. Какой мне интерес, на свои деньги я сделаю ремонт, а он [дом] совхозу останется. 25. А жить-то здесь не могу. 26. Я на “венской” гармонии играю, а другой брат есть, он не играет. 27. Летом волк-то в деревню не приходит.

ЛИТЕРАТУРА

Коми-пермяцкий язык: Учебник для высших учебных заведений.
Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во. 1962.